

Томящая истома накрыла юношу с головой. Юн Ци стиснул зубы, пытаясь сдержаться, но, в конце концов, с его губ сорвался лёгкий стон.

Этот неосторожный стон напугал юношу, заставив вздрогнуть. Юн Ци резко обернулся и поглядел на мирно спящего рядом Юн Шаня, опасаясь, что того мог разбудить даже столь тихий звук.

Юн Ци думал о том, чтобы прекратить, ведь если Юн Шань увидит охваченного желанием и убажжающего себя старшего брата, это приведёт к далеко не самым приятным последствиям. Но юноша всё же не смог удержаться, позволив своим рукам вновь скользнуть по возбуждённому члену, который будто умолял приласкать и утешить его. Юн Ци почувствовал, как из головки просачивается прозрачная жидкость, липкая и вязкая, и необычайно блестящая.

Юн Ци пытался бороться с охватившим его желанием, но волны удовольствия уносили его всё дальше. Постепенно страх отступал, и юноша начал замечать, как его движения выходят из-под контроля. Рука, словно ведомая собственным желанием, резко заскользила по члену. Юноша лежал на спине, прикрыв веки, его дыхание сильно участилось.

— Юн Ци, ты в порядке? — раздался хриплый спросонья голос Юн Шаня как раз в тот момент, когда Юн Ци уже почти достиг пика наслаждения.

Юн Ци испугался: душа ушла в пятки, а разум и вовсе покинул его. И в это же самое время его член задрожал, наполнив ладонь горячим семенем.

Юн Ци понятия не имел, в какой именно момент проснулся Юн Шань, который сейчас с нескрываемым любопытством рассматривал брата, приподнявшись на локте.

И хоть голос юноши и звучал сонно, его взгляд был довольно ясным. Он будто уже знал, что скрывают Юн Ци и сорвавшийся с его губ стон.

Юн Ци лишился дара речи. Он настолько разнервничался, что даже забыл, как дышать. Единственное, на что он был способен, — пристально глядеть на брата, при этом глаза его были полны испуга.

И тут Юн Шань решил прервать тишину, невинным голосом спросив:

— Тебе нездоровится?

Юн Ци ничего не ответил, продолжая пристально смотреть на Юн Шаня и при этом боясь даже слегка пошевелиться. Юн Шань свёл брови к переносице и, обернувшись, громким голосом позвал:

— Эй, кто-нибудь, Его Высочеству Юн Ци нездоровится, позовите лека...

— Юн Шань! — Не дав юноше закончить фразу, Юн Ци резко поднялся, приняв сидячее положение, и крепко вцепился в запястье младшего брата обеими руками.

Юн Шань повернулся и увидел полные мольбы глаза.

Он улыбнулся:

— И всё-таки, что с тобой случилось?

Юн Ци был смущён и совсем не знал, что же делать. Опустив голову, юноша закусил нижнюю губу, которая вмиг побелела. Он так и не смог вымолвить ни слова, лишь ещё сильнее сжал руку Юн Шаня, словно она была последней соломинкой надежды, от которой зависела его жизнь.

— Что прикажете, Ваше Высочество? — раздался за дверью голос слуги, что прислуживал Юн Шаню ночью.

Юн Ци вновь вздрогнул, всё больше опасаясь, что Юн Шань действительно пошлёт слуг за лекарем. Как он будет смотреть людям в лицо, когда они узнают правду?

К счастью, Юн Шань, поглядев брату в глаза, произнёс:

— Ничего, можете идти.

Продолжая смотреть на Юн Ци, Юн Шань с некой заботой обратился к нему:

— Они ушли. А теперь давай спать. — Юн Шань начал мягко хлопать по рукам Юн Ци, который всё ещё не разжимал их, но, словно почувствовав что-то, мгновенно остановился.

Сердце Юн Ци скакнуло в груди, и он почти впал в отчаяние, понимая, что его секрет раскрыт. Юноша тут же отпустил руку Юн Шаня, и в это мгновение он понял, что тот действительно что-то заметил. Ведь Юн Ци, запаниковав, вцепился в Юн Шаня руками, которые всё ещё были смочены белёсым семенем, липким и тёплым, с едва уловимым запахом. Этого нельзя было не заметить.

Юн Ци, всё так же сидевший на кровати, резко попятился в сторону. Ему так хотелось свернуться калачиком, словно змея, и забиться в угол, спрятавшись от посторонних глаз. Но Юн Шань властно и в то же время довольно нежно поймал его, перекрывая пути к отступлению. Заполучив в свои руки хрупкого юношу, наследный принц притянул Юн Ци ближе к себе. Их губы были в миллиметрах друг от друга, горячее дыхание Юн Шаня обжигало

бархатистую кожу Юн Ци. С лёгкой улыбкой наследный принц произнёс:

— Глупый старший брат, и что в этом такого стеснительного? — сказав это, Юн Шань опустил руку вниз, мягко прикасаясь к члену Юн Ци.

Пусть Юн Ци уже излился один раз, действие лекарства ещё не прошло, а потому возбуждение, несмотря на всю панику, не отступало, заставляя член вновь наливаясь кровью. Он уже стал заметно твёрже за столь недолгое время, пока длился этот небольшой переполох, а когда Юн Шань коснулся плоти Юн Ци, тот и вовсе не сдержал всхлипа, при этом выглядев так, словно вот-вот расплачется.

Юн Шань мягко спросил:

— Я не собираюсь смеяться над тобой, почему ты плачешь?

Юн Шань произнёс эти слова крайне мягко и заботливо, уже обхватив горячую плоть брата, после чего ритмично заскользил вверх и вниз.

Ласки Юн Шаня, конечно же, очень сильно отличались от ласк самого Юн Ци, тем более Юн Шань каким-то образом прекрасно знал каждую слабость и уязвимые места на теле брата. Юн Ци же казалось, что все его слабости сейчас сконцентрировались в ладони Юн Шаня, и, несмотря на сильное смущение, силы в итоге покинули его, лишая Юн Ци всякой возможности сопротивляться ловким и умелым рукам брата.

Юн Шань не смеялся над ним. Его улыбающиеся во мраке глаза спокойно смотрели на старшего брата, внимательно и неторопливо что-то высматривая на его лице.

Заметив, как Юн Ци заметался на простынях от пленившей его тело сладкой истомы, Юн Шань прильнул к слегка одурманенному Юн Ци, ухватив его в свои цепкие объятия. Прижимая его ещё ближе к себе, Юн Шань принялся одной рукой ласкать заполученное обманом тело старшего брата.

Ночь была глубокой и тихой.

Когда пальцы Юн Шаня ласкали член Юн Ци, не обделяя вниманием ни одной клеточки разгорячённой плоти, ничто не могло заглушить непристойных хлюпающих звуков.

Слушая их, Юн Ци был крайне смущён, но, к ещё большему стыду, он всё равно получал несравненное удовольствие. Даже больше, чем от собственных ласк. Юн Шань, зная, что Юн Ци уже с трудом сдерживается, специально замедлил темп. От такой перемены нежные бёдра самовольно качнулись, слегка приподнимаясь вверх. Они словно умоляли Юн Шаня продолжить.

Юн Шань слегка улыбнулся во мраке и, вдыхая приятный запах, прошептал на ушко Юн Ци:

— Старший брат Юн Ци, тебе нравится получать ласки от своего младшего брата?

Юн Ци было очень стыдно, его густые ресницы подрагивали. В отчаянии он отрицательно покачал головой.

На что Юн Шань лишь вновь улыбнулся и прошептал:

— На устах одобряешь, а в душе отвергаешь. — И упрямо потёр переднюю часть члена кончиком пальца, поддразнивая Юн Ци.

Юн Ци снова стал извиваться, непрерывно всхлипывая, однако эти всхлипы сильно отличались от тех горестных всхлипов, что он издавал во Дворце Наказаний. В этих всхлипах была ясно слышна удивительная и манящая сладость.

Свет луны, просочившийся через окно, осветил прекрасное лицо Юн Ци, открывая Юн Шаню милый румянец, который не мог ускользнуть от его зоркого взгляда. На лице Юн Ци были отражены страсть и желание, из его глаз хлынули слёзы, оставившие на его коже обжигающие мокрые дорожки. Любовь переполняла сердце до краёв, мягкие губы Юн Шаня нежно и неустанно целовали Юн Ци, а рука продолжала скользить по члену, стараясь доставить ему максимальное удовольствие. Сам же юноша просто надеялся, что он действительно счастлив.

Вскоре Юн Ци резко выгнулся и, издав стон наслаждения, медленно обмяк.

Юн Шань убрал руку, которая была покрыта белым и вязким семенем, имеющим особый запах Юн Ци. Взглянув на ладонь, юноша перевёл взгляд и вновь посмотрел в лицо старшего брата.

Юн Ци медленно приходил в себя. Посмотрев на младшего брата, он понял, что ладонь того запачкана его семенем. Некоторое время юноша хранил молчание, не зная, что и сказать. Но вскоре, стиснув зубы, Юн Ци шёпотом проговорил:

— Я помогу тебе вытереть ладонь.

Но Юн Шань не позволил ему вытереть себя. Находясь на краю кровати, юноша вытянул руку и, приподняв полог, взял чистое махровое полотенце, что лежало на деревянной полке. Этим полотенцем он тщательно вытер ладонь. Поглядев на Юн Ци ещё какое-то время, Юн Шань резко наклонился и, обняв брата, несколько раз поцеловал его и шёпотом проговорил:

— Милый старший брат, я помог тебе, теперь ты помоги мне. — Взяв руку Юн Ци, юноша опустил её вниз и положил на свой член.

Для Юн Ци прикоснуться к горячей плоти младшего брата было полной неожиданностью. Толком не осознавая, что он делает, Юн Ци резко отдернул свою руку. Все воспоминания о пытках во Дворце Наказаний, что до этого клеймом выжглись в его мозгу, в этот миг всплыли перед глазами. Холодная дрожь пробежалась по всему телу. Юн Ци начал неистово пинать ногами Юн Шаня, стараясь с силой оттолкнуть того подальше от себя. Но осознав, что он делает, вспомнив о характере младшего брата, Юн Ци оцепенел, растеряв свой воинственный дух, после чего с ужасом посмотрел на Юн Шаня.

Юн Шань застыл от удивления. Он никак не ожидал, что Юн Ци тотчас же станет сопротивляться, словно сумасшедший, вызывая один лишь холод в душе младшего брата.

С минуту они смотрели друг на друга. После чего Юн Шань, не проронив ни слова, отпустил Юн Ци и лёг на другую сторону, поворачиваясь спиной к нему.

Юн Ци всё ещё был в оцепенении. Он прокручивал случившееся в голове и ничего не понимал, также он не понимал, как он мог сегодня заняться чем-то подобным. Мысли хаотично вертелись в голове, но постепенно юноша понял, что ему в очередной раз удалось избежать нападок Юн Шаня. Невольно и медленно обернувшись, Юн Ци увидел лишь напряжённую спину Юн Шаня, который лежал почти неподвижно.

В воздухе витал слабый запах мускуса, ночь стояла очень тихая, что позволяло юноше слышать тяжёлое дыхание Юн Шаня, словно его душили слёзы. Однако Юн Ци прекрасно понимал, что Юн Шань не плачет. Отвернувшись от него, младший брат сейчас делал то же самое, что и Юн Ци пару минут назад.

Юн Ци чувствовал лёгкую пустоту, которая взялась ни с того ни с сего и, неизвестно по какой причине, заполонила сердце, вгоняя юношу в холодную дрожь. Глядя на силуэт Юн Шаня, Юн Ци почувствовал, как его горло словно что-то сдавило, не давая сделать вдох. Только когда с губ Юн Шаня сорвался лёгкий стон и тело юноши на мгновение задрожало, Юн Ци понял, что он излился. Осторожно вытянув руку, Юн Ци погладил Юн Шаня по плечу, поддерживая его.

— Не трогай меня. — Юн Шань, не оборачиваясь, со злостью скинул его руку с плеча.

Юн Ци, набравшись смелости, протянул руку и в результате оказался в неловком положении. Неприятное чувство заполонило сердце, и юноша медленно отдернул руку и, также повернувшись спиной к Юн Шаню, уснул.

Через длительное время Юн Шань, словно не сдержавшись, внезапно задвигался и, быстро перевернувшись, крепко обнял Юн Ци сзади. Обвинившись вокруг тела юноши, Юн Шань крепко и плотно прижал его к себе, не позволяя сделать ни малейшего движения, и, стиснув зубы, процедил:

— Однажды я возьму верёвку и собственными руками удавлю тебя.

Юноша уткнулся лицом в шею Юн Ци, однако он не коснулся его губами и не укусил, лишь слегка втянул носом аромат старшего брата.

Два брата хранили молчание, так и не сказав друг другу ни слова.

Держа в объятиях Юн Ци, Юн Шань всю ночь спал сладким сном.

Проснулся юноша также в хорошем настроении, а от слабости не осталось и следа. Открыв глаза, Юн Шань сразу же увидел Юн Ци, который всё так же лежал к нему спиной, и его слегка изогнутую и расслабленную шею. Юн Шань уже хотел было припасть губами к ней, оставляя на коже поцелуй.

Но, едва сдерживая своё желание, юноша снова подумал: могут ли поцелуи разбудить спящего в объятиях Юн Ци или нет.

Похоже, он всё ещё спит?

Юн Ци лежал неподвижно. Юн Шань поглядел на небо: было не слишком позднее утро, и совсем не хотелось двигаться, поэтому он продолжил лежать на месте, всё так же держа в объятиях Юн Ци.

Как и ожидалось, спустя больше получаса небо изменилось из бледно-ясного в ослепительное.

Внезапно раздался слабый голос Юн Ци, который нерешительно спросил:

— Узнай отец-император, что мы так поздно встали, придёт в ярость.

Слушая слова старшего брата, Юн Шань только тогда понял, что Юн Ци, как и он сам, вероятно, давно проснулся, только лежал тихо, не желая двигаться.

Изогнув губы в улыбке, юноша ещё сильнее стиснул брата в объятиях, уткнулся в его прекрасную шею и, долгое время тихо втягивая носом аромат его тела, спросил Юн Ци:

— Опять мы, а почему мы поздно легли?

Юн Ци застеснялся, да так, что даже шея покрылась румянцем.

Юн Шань отнёсся к этому очень чувствительно, его улыбка померкла, а с губ сорвался холодный стон:

— Почему ты отвергаешь меня?

После долгого молчания Юн Ци всё же выдал из себя только одно слово:

— Щекотно.

Одно слово — и Юн Шань снова почувствовал, как его настроение улучшается.

В душе юноша понимал: что бы ни сказал и что бы ни сделал, он поступал прямо как глупец — одновременно издеваясь, чувствовал внезапную радость и гнев. Обращаясь со старшим братом подобным образом, сам наследник престола, вероятно, был самым подлым и низким среди прошлых династий.

Тяжело вздохнув и продолжая обнимать Юн Ци, Юн Шань тихим голосом проговорил:

— В прошлый раз, когда ты проиграл мне в го, ты обещал написать мне записку?

— На самом деле я написал большую часть записки, но, когда взял кисть, чтобы дописать её, тушь упала на бумагу и всё испортила. Мне пришлось её выбросить, сегодня я всё перепишу и отдам тебе, — проговорил Юн Ци, но подвигав плечём, шёпотом сказал: — Отпусти меня, я хочу встать.

Юн Шань, чиня препятствия, спросил:

— А если не отпущу?

Юн Ци промолчал. Юн Шань не выдержал и, взяв Юн Ци, перевернул, тем самым встречаясь с ним лицом к лицу, и спросил его:

— Если я не отпущу, что ты будешь делать?

От резкого поворота Юн Ци слегка растерялся. Сведя к переносице утончённые брови, юноша отвёл взгляд, стараясь не смотреть в таинственно-сияющие глаза Юн Шаня:

— Твои манеры, разве так себя ведёт наследник престола?

— Наследник престола? Если такие манеры не идут наследнику престола, то тогда как должен вести себя наследник престола? — Юн Шань, глядя, как Юн Ци избегает его, разозлился. Не стерпев и не скрывая властность, он вытянул руку вниз к затвердевшему паху. Схватив через ткань тонких штанов Юн Ци между ног, юноша злобно спросил: — Когда я помогал старшему брату вот с этим, то вёл себя, как наследник престола? М?

К этому времени небо уже совсем просветлело, и хоть окно закрывала большая занавеска,

солнечный свет всё равно проник в комнату.

Когда ладонь легла на член, Юн Ци, не сдержавшись, издал низкое «ах», не зная, то ли от страха или всё же это был стон.

Юноша невольно снова засмутился и снова залился краской стыда.

Юн Шань в мельчайших подробностях увидел, как мгновенно покраснело его лицо.

Юн Ци опустил взгляд, и Юн Шань, с негодованием обдав горячим дыханием пышные ресницы брата, заговорил, не скрывая соблазнительных и угрожающих ноток:

— Позволь младшему брату Юн Шаню услышать твои стоны.

<http://bllate.org/book/13372/1189566>